

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 3 (6398) 2017

ДОНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарам в 985 году («Повесть временных лет»)

Художник В. Фролова. «Белая нить»

Танец
длиною
в жизнь

с. 6-7

Так вы и
есть
Усманов?

с. 8-9

Место встречи изменить
нельзя.

с. 3

Эрудит
из
Оренбурга

с. 11

Путешествие
по Москве

с. 12

Рустем КУТУЙ

Сны матерей

Сны матерей уносят дети.

И шарики воздушные

цветут над головами.

То — сны, то — сны.

Свалялась шерсть былого,

но пух еще тихонько кружит,

качая золотую землю.

Лейсан СИТДИКОВА

Магия жизни и танца Тюзель Апанаевой

Ей было всего 17, когда она пришла в знаменитый ансамбль народного танца имени Игоря Моисеева. Точнее не пришла, мастер сам выбрал ее из числа выпускников Московского хореографического училища. На черно-белых кадрах документальной хроники в углу репетиционного зала стоит хрупкая девушка с удивленно поднятыми бровками и смотрит детскими глазами, в которых вся палитра эмоций: от страха перед будущим до вдохновенной радости в ответ на скупую похвалу мастера. Кинематографисты сразу взяли на прицел эту чудесную девушку и засыпали предложениями сниматься. Но она была непреклонна: «У меня репетиции, я не могу». Уступила только Эльёру Ишмухамедову, который обещал снимать ее летом, когда участники ансамбля уходят в отпуск. Так в середине 60-х вышел на экраны фильм «Влюбленные» и зрители впервые увидели на экранах Тюзель Апанаеву. У нее была отнюдь не главная роль, но стоп-кадры

сошли на нет связи с родней. Но по его рассказам я кое-что помню про бабушку и дедушку. Знаю, что они занимали достойное место и положение в городе, были уважаемыми людьми. Еще почему-то запомнилась такая

деталь из рассказов моего папы: когда его семья выезжала летом за город, грузили целый караван подвод. О том, что род был состоятельный, видно и по сохранившимся у меня фотографиям. Но вы знаете, папа все-таки старался не распространяться на эту тему, поскольку многие наши родственники были репрессированы и расстреляны. Мы жили в такое время, когда об этом лучше было не упоминать вовсе. Конечно, сейчас я очень сожалею, что не расспрашивала папу обо всем подробно. Но благодаря краеведам-сподвижникам я все-таки узнала свою родословную.

- Тюзель Махмудовна, каким был ваш дом? Чему вас учили родители?

- Вы знаете, Игорь Александрович Моисеев однажды сказал, что интеллигентность – не приобретаемое качество, оно передается по наследству. Меня специально ничему не учили. В нашей семье всегда была спокойная обстановка. Родители никогда не повышали друг на друга голос. Я

нож». И, конечно, когда ты безумно любишь танцевать, ты не воспринимаешь это как нечто трудное. Да, это трудно, но это «ка-торга в цветах», как говорила Раневская. Надо худеть – значит, худеешь, надо развивать данные – значит, сидишь в шпагатах. Поэтому, когда меня спрашивают, чем вы пожертвовали ради любимой профессии, я отвечаю – ничем.

- А как же конкуренция, которая, по слухам, начинается еще с хореографического училища и отравляет жизнь?

- Когда я училась, а это были 60-е годы, у нас не было конкуренции. Вообще и родители были нормальные, брата не было: никто не ходил, не хлопотал, не требовал. В классе мы понимали, что есть лучшие ученицы, а есть похуже. И никто из нас не ревновал, почему одну ставят в танец, а другую нет. Ты прекрасно видишь: она лучше, значит, имеет право. А ты учишь, танцуешь, стараешься... Сейчас, когда я преподаю, зачастую вижу в детях, что они не понимают этого. Не понимают, что человек должен знать свое место. И даже ученик, ребенок, должен осознавать реально свои способности, а не локтями расталкивать других и идти жаловаться: «А почему я репетирую больше всех, а меня не ставят в танец». Мы, например, в училище все понимали, что у нас только одна лучшая ученица. Она и попала в итоге в Большой театр. А мы репетируем, и это уже хорошо. Сейчас, к сожалению, немного другие дети. Но я им объясняю, что да – учатся все, но танцуют лучшие и надо еще заслужить право выйти на сцену, потому что мы представляем школу Игоря Моисеева. Здесь должен быть очень высокий уровень.

- Почему Игорь Моисеев пришел отбирать танцовщиков для своего ансамбля в хореографическое училище, ведь к тому времени он уже создал школу-студию, где целенаправленно готовили артистов для народного танца?

- Во-первых, школа Моисеева выпускает артистов только раз в пять лет... Но, как ни странно, именно в 1966 году выпускники в училище и в школе-студии совпали. Так что Игорь Александрович уже набрал для себя группу танцоров. А в экзаменационную комиссию нашего училища его пригласили как великого мастера. Так вот, на следующий же день после экзамена он прислал заявку на меня. С одной стороны я очень обрадовалась, что меня выбрал мастер, а с другой стороны – немножко расстроилась, потому что мечтала танцевать в театре классический репертуар. Народный танец – это совсем другая стилистика, другая музыка, другое ощущение себя в движении... Дело в том, что в то время выпускника хореографического училища могли

пригласить на работу всего в пять мест в Москве. Это Большой театр, Театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, Театр оперетты, ансамбль «Березка» и ансамбль Моисеева. То есть если ты не попал в эти коллективы, то тебя отправляли...

- В Казань?

- Нет, мне предложили на выбор Ригу и Саратов. Вокруг мне все говорили: «Ты что? Это же ансамбль Моисеева – визитная карточка нашей страны, он постоянно гастролирует за границей, тебя ведь сам великий Игорь Александрович выбрал». В общем, я приняла предложение и очень скоро не пожалела.

- Что было труднее: учиться классическому танцу или работать в ансамбле Моисеева?

- Труднее было начинать работать в народном ансамбле. Когда ты приходишь в училище, то изучаешь классический танец пошагово, тебе ведь никто не даст сразу танцевать вариацию. А когда я пришла в ансамбль, нужно было с листа сразу учить весь репертуар. Это другая работа мышц. «Народники» все сидят в плие, а классические танцоры тянутся наверх, потому что танцуют на пуантах. И мне тоже нужно было учиться садиться на плие, а мышцы не держали, не хватало выносливости, приходилось преодолевать многое.

- Как вас принял коллектив ансамбля?

- Я была другая – балетная. Но меня очень поддерживал Игорь Александрович. Он сразу стал мне давать танцевать репертуар.

- Особое отношение к вам, кстати, заметно. В одном из фильмов, посвященных его очередному юбилею, он во всем танцорам обращается по фамилии, а к вам – исключительно по имени.

- Да-да! Он меня сам выбрал, пригласил в ансамбль и очень хорошо относился. Конечно, за это меня в коллективе ревновали. Слава богу, что всего этого я не замечала, жила и считала, что надо трудиться и все. А потом Моисеев организовал классическую труппу «Молодой балет» и перевел меня туда. Мне уже не хотелось возвращаться к классическому танцу: боялась, что не получится. Но Моисеев успокоил, сказав, что всегда сможет перевести обратно. И у меня началась новая жизнь, новые друзья, новый репертуар. Игорь Александрович очень много на меня ставил, я стала ведущей солисткой, проработав в коллективе 5 лет. Мы очень много гастролировали. Первая поездка была в Австралию на 4, 5 месяца, а на следующий год мы почти на шесть месяцев уехали на гастроли по Латинской Америке: Бразилия, Чили, Перу, Венесуэла, Мексика, Куба... Там случилась непредвиденная ситуация. Два танцора попросили политическое убежище и не вернулись в СССР. После этого случая Игорь Александрович принял решение уйти из «Молодого балета», понимая, что ему трудно совмещать руководство в двух коллективах, и предложил мне вернуться в ансамбль народного танца. Я, конечно же, согласилась, потому что понимала масштаб его личности и дарования.

- Тюзель Махмудовна, судьба вас stalkивала со многими легендами балета...

- Да, все мои педагоги из энциклопедии балета: Игорь Моисеев, Касьян Голейзовский, Суламифь и Асаф Мессереры, Ирина Тихомирнова, Евгений Валукин...

СЕМЬЯ

Тюзель Махмудовна принадлежит известному казанскому купеческому роду Апанаевых, представители которого славились своей благотворительностью. Она родилась в Москве, куда ее родители переехали еще до Великой Отечественной войны. Отец – Махмуд Рашидович Апанаев – приехал в столицу из Казани, где окончил татарский педагогический техникум, продолжил обучение в Москве. В столице он встретил свою будущую жену – Зайнаб Гибадулловну Хабибуллину, родом из Оренбурга. Апанаевы работали в столичных татарских школах – Махмуд Рашидович вел математику, а Зайнаб Гибадулловна преподавала в начальных классах. После войны татарские школы закрылись, и семье Апанаевых предложили поехать на периферию. Родители Тюзель Махмудовны, решив остаться в столице, были вынуждены поменять профессия. Махмуд Апанаев пошел работать токарем на завод, а Зайнаб Гибадулловна трудилась корректором в издательстве иностранных и национальных словарей. Брат Тюзель Махмудовны – Шамиль Апанаев – художник, выпускник художественного училища имени 1905 года и архитектурного института.

с ее крупным планом разошлись на открытки и постеры, как олицетворение искренности и чистоты. Спустя годы эта пленительно женственная девушка-подросток стала одной из лучших танцовщицей ансамбля, оставаясь в творческой форме рекордные 34 года. Сегодня она делится своим опытом и умением с начинающими танцорами. Последние 17 лет народная артистка России Тюзель Махмудовна Апанаева возглавляет школу-студию при Государственном академическом ансамбле народного танца имени Игоря Моисеева.

- Тюзель Махмудовна, бывали ли вы на родине своих предков в Казани?

- Бывала и не раз. Вначале, когда я была еще ученицей хореографического училища, мы часто с родителями ездили к родственникам в Казань и Набережные Челны. Лето я обычно проводила там, и поэтому Казань знаю очень хорошо. Позже была на гастролях и меня приглашали членом жюри на фестивали. Есть родственная сердечная связь, поэтому я с удовольствием езжу в Казань. Город наикрасивейший, народ очень добрый, приветливый и, конечно, ко мне там очень хорошо относятся. Скоро снова поеду на фестиваль хореографических самодельных факультетов.

- Поддерживаете ли вы связь с nasledниками рода Апанаевых, которые сейчас, насколько я знаю, начали объединяться? Тем более, в Казани реставрируются многие дома, принадлежащие этой фамилии, и постоянно возникают поводы для встреч.

- К сожалению, не так часто. Мой папа уже навсегда ушел от нас, и вместе с ним

как-то сама прекрасно понимала, что можно делать, а что нельзя. Воспитание шло исподволь. Никогда ничего не запрещалось, и никто меня не наказывал. Наоборот, всегда шли навстречу. Папа с мамой, понимая, как мне нравится танцевать, отдали в хореографический кружок при Дворце пионеров. Потом я поступила в хореографическое училище при Большом театре.

- Каково домашней девочке было учиться в Московском хореографическом училище? Балет – это ведь муштра и жесточайшая дисциплина. Как вы справлялись с нагрузками?

- Я как раз из числа тех, кому учиться было в радость. В балет и танцы надо идти тому, кто без этого жить не может. И поэтому все трудности воспринимались с радостью и любовью. Моя мама умерла, когда мне было 12 лет, и учеба меня буквально спасала. Я полностью переключалась и на время забывала о моей трагедии. В училище меня очень поддерживали: обеспечивали бесплатным питанием, зимой отправляли в дом отдыха, летом – в пионерский лагерь «Орле-

С И.А. Моисеевым во время репетиции номера «Каток»

Кадр из фильма «Влюбленные»

Ольга Генриховна Иордан – ученица Вагановой – была в училище моим наставником по классике. Это люди уникального педагогического дара и, конечно, я состоялась в результате того, что в меня вложили эти великие мастера.

- Вы танцевали с одной из ярчайших звезд мирового балета Александром Годуновым? Какие впечатления остались от работы и общения с ним?

- Ну что тут говорить, Саша Годунов – выдающийся танцовщик. Помню, как нам сообщили, что в труппу «Молодого балета» скоро приедет мальчик из Риги. Тогда Саша сдавал выпускные экзамены в хореографическом училище. Приехал парень как парень, в нем еще не было той солидности и стати. Но вскоре стало понятно, что перед нами очень способный танцовщик: он хорошо вращался, у него был огромный прыжок. Саша танцевал много – в «Дон Кихоте», «Щелкунчике», «Корсаре», современные номера – и стал ведущим солистом труппы. Игорь Александрович сразу сделал на нас двоих номер «Зарождение любви». И я прекрасно помню наши первые гастроли в Австралии. Представьте себе – каждый день выступления, все мы очень сильно уставали и возможно не могли танцевать с прежней отдачей, но Саша, напротив, от концерта к концерту становился лучше и лучше. Рос технически, эмоционально, профессионально – делал огромные успехи. Все потому, что он умный танцовщик, у него хорошая голова. Он анализирует каждое свое движение и пропускает через себя. Ну а когда случилась эта история с невозвращенцами, и Моисеев ушел из коллектива, Григорович сразу же пригласил Годунова в Большой театр, где он сделал головокружительную карьеру.

- А вам довелось с ним общаться уже после того, как он остался в США?

- Вы знаете, однажды мы были на гастролях в Лос-Анджелесе. У нас был концерт и вечером должен был быть в театре прием. И тут мне говорят: «Годунов в зале». Я танцевала так, как никогда раньше, наверное. Это был сольный номер «Каток», и я была очень воодушевлена, потому что знала, что на меня смотрит Саша. Я надеялась, что он останется на банкет, и мы сумеем поговорить. И вот после концерта подходит наш администратор и передает программку, на которой написано: «Guzel, you look great! My love and kisses. A. Godunov». Причем, первые буквы моего имени написаны кириллицей, а все остальное – уже латиницей по-английски. Таким образом он передал мне свой привет. И администратор сказал, что Годунов на банкет не останется.

- Ему, наверное, было очень больно...

- Да, скорее всего. Я думаю, ему было неудобно перед Игорем Александровичем, перед нами, ведь все же вокруг осуждали его. В те времена таких артистов, как Макарова, Нуриев, Барышников, Годунов, называли предателями и изменниками Родины. Это сейчас уже эмиграция не считается чем-то ужасным. Когда я узнала, что Саши не стало... У меня есть такое свойство, я думаю, как защита, - я представляю себе,

что те, кто был дорог мне, живы. Поэтому и о Саше, и об Игоре Александровиче часто говорю в настоящем времени. Я же не безумная, все понимаю, но мне так легче жить. Конечно, мне жаль Сашу, потому что после ухода из Большого у него не сложилась личная жизнь, не сложилась карьера, достойная его таланта. Саша не вписывался в репертуар американских театров, не нашлось балетмейстера, который бы раскрыл эпическую сторону его натуры. После того, как Барышников не продлил с ним контракт в репертуарном American Ballet Theatre, Годунов был вынужден создать свою труппу и колесить по стране, не имея ни нормальной сцены, ни педагога. В итоге, непонятная ранняя смерть, непонятные похороны. Куда-то исчезла женщина, которая была его менеджером, пропал весь архив. Это тайна, покрытая мраком. Очень жаль, что так все сложилось.

- Гюзель Махмудовна, возвращаясь к вашей работе с Игорем Моисеевым... Хорошо известно одно его высказывание: «Кто назовет себя солистом, того уволю из ансамбля». Вам не было никогда обидно, что имена прекрасных танцоров ансамбля возможно не получили той известности, какой заслуживали?

- Я не понимаю, почему так любят цитировать эту фразу?! Что значит, в коллективе не было солистов?! На самом деле Моисеев любил одаренных танцоров и взращивал из них солистов. Я начинала в ансамбле с кордебалета и постепенно благодаря усилиям Моисеева стала солисткой. У меня был повышенный оклад, звание заслуженной артистки, были какие-то привилегии. Когда Игоря Александровича приглашали на правительственный прием, просили взять с собой ведущих танцовщиков, и я всегда была в их числе. Если помните, тогда в стране никто не мог купить машину или мебель. К нам в ансамбль поступали открытки на их приобретение. Игорь Александрович всегда распределял их среди лучших солистов. То есть за хорошую работу нас поощряли. Да, он не терпел звездности, но мы и не позволяли себе ничего лишнего. У Игоря Александровича не забалуешь, он так умел поставить человека на место.

- Помню, как в фильме «Вечное движение» о вашем ансамбле солистка Нелли Самсонова, поджав губки, говорит: «19 лет работаю. Ни разу не похвалил». Моисеев действительно был скуп на похвалу?

- Это правда, Игорь Александрович очень жестко обращался с нами. Скажем, на репетиции танцуюшь длинный сольный номер, который насыщен сложностями, заканчиваешь, делаешь поклон и убегаешь за кулисы. А в ответ – тишина. А поскольку я страшный «самоед», то начинала думать, что все было так плохо, что Моисееву даже и сказать нечего. Ведь когда не хвалят, человек теряет почву под ногами. Теперь я понимаю, что, если Игорь Александрович не снимал артиста с номера, значит это уже хорошо. Сейчас как педагог я считаю, что похвала необходима для того, чтобы дать понять ученику, что он на правильном пути. Достаточно даже поощрительной интонации. Мне лично не хватало поддержки мастера. Я бы от этого не возгордилась.

- У Игоря Александровича был очень острый язык. Вы можете вспомнить какие-нибудь его коронные слова и словечки, которые переключались в ваш лексикон и вы замечаете, что говорите их на репетициях своим ученикам? Ну, например, известно, что недовольство он выражал эпитетом «ансамбль песни и тряски».

- Да, у него было потрясающее чувство юмора. Обычно, его слова вспоминаются к определенному случаю. Скажем, он любил говорить, что из пустого кармана никогда ничего не достанешь. То есть, если хочешь чего-то достигнуть, надо очень много работать и стараться, то есть надо много вложить.

- Можно ли говорить об особой моисеевской школе танца и пластике? И если да, то что характерно для этого стиля?

- Конечно, моисеевская школа танца очень отличается, и тех, кто ею не владеет, сразу видно. К нам приходят некоторые танцовщики из других коллективов, которые вынуждены многое преодолевать. Сейчас в нарушение авторских прав некоторые коллективы, посмотрев записи в Интернете, ставят моисеевские номера и пытаются танцевать. Но все это очень далеко от оригинала. Моисеевскую методику проходят в нашей школе, ей владеет каждый педагог, потому что все они бывшие танцовщики коллектива. Мы из поколения в поколение, из рук в руки и из ног в ноги передаем тот материал, которым владеем. У Игоря Александровича ни одного движения не существует ради движения, в каждом из них заложен особый смысл, в танце всегда идет диалог. Есть еще одна тайна виртуозности наших артистов. Они владеют особой техникой плие, которая является препаратом - подготовкой для последующего движения. То есть чем глубже и мягче ты сел, тем длиннее будет твой шаг или прыжок. От этого создается впечатление, что танцовщики занимают площадку широко и практически летают по сцене.

- Игорь Александрович обращался к танцорам за подсказками, когда ставился какой-то номер?

- Он очень любил нас вовлекать в творческий процесс. Я помню, когда ставился одноактный балет «Ночь на Лысой горе», он попросил нас всех придумать трюки для сольных выходов. Мы начали со своими партнерами пробовать и репетировать, затем поднимали руку и говорили, что готовы показать. Моисеев обычно отправлял обратно: «Нет, еще подумайте». И так постепенно из придуманной хореографии начинала складываться общая картина танца. Игорь Александрович обожал неравнодушных заинтересованных танцовщиков. Я не помню, чтобы кто-то, приходя на репетицию, смотрел на часы. Ночью, лежа дома в кровати, уставая и разбитая, я думала: скорее бы завтра на репетицию. До такой степени мы любили свое дело!

- А самим ставить номера вам приходилось?

- В какой-то момент я поняла, что мне необходимо педагогическое образование и поступила на дневное отделение ГИТИСа, хотя продолжала танцевать в ансамбле. Мне было тогда 40 лет, моими однокурсниками были 17-летние ребята, но меня это нисколько не смущало. Именно ГИТИС подвиг меня на то, чтобы сочинять классы, придумывать движения и дуэты. Как только я слышала музыку, сразу же включалось воображение. Так что опыт хореографа у меня тоже есть.

- Насколько Игорь Александрович интересовался работой школы-студии? Приходил на репетиции или экзамены?

- Конечно, он следил за работой школы, поскольку понимал, что она способна обеспечить будущее его делу. Экзамен перед ним держали не столько ученики, сколько мы – педагоги. Для меня всегда было важно, чтобы Игорь Александрович видел, как я вкладываюсь в учеников. Однажды он написал в отзыве: «Гюзель сумела обратить детей в свою веру», имея в виду, конечно, что я сумела привить ребятам любовь к классическому танцу. Его отзывы о моей работе очень дороги как память.

- Это правда, что попасть к вам в школу также сложно, как в Московскую академию хореографии? Каковы требования к абитуриентам?

- Конечно, сложно. В первую очередь, ребенок должен быть талантливым и артистичным. Сейчас довольно распространено, когда ребенка приводят к нам не по его желанию, а по желанию родителей. А потом оказывается, что ребенок абсолютно индифферентный, стоит у станка с тоской в глазах и мучается, а родители в кабинете мне доказывают, что ребенок без танца жить не может. А так у нас при приеме действуют те же правила, что и в хореографическом училище. Мы смотрим физические данные – пропорциональность, шаг, выворотность, гибкость, подъем, высоту прыжка. На заключительном этапе мы оцениваем музыкальность и эмоциональность. Ну а потом начинаем учить с нуля всем азам профессии.

- Гюзель Махмудовна, не могу вас спросить о личной жизни. Многие артистки ансамбля выходили замуж за сыновей знаменитых людей: Микояна, Хрулева, маршала Конева. Вам оказывали знаки внимания какие-то известные люди?

- Действительно, очень многие солистки были женами высокопоставленных особ в иерархии Советского государства. Но это скорее происходило в послевоенное время, а я пришла в ансамбль позже. Вышла замуж за танцовщика, с которым познакомилась во время работы в «Новом

©родителями и братом

балете». Наш сын Андрей, как и я, окончил Хореографическое училище при Большом театре. Сейчас он уже завершил карьеру танцовщика.

- Наверняка вы следите за классическим танцем, за тем как он развивается. У вас есть любимые артисты?

- Я очень уважительно отношусь к Диане Вишневой. Начнем с того, что она очень хороший человек без шлейфа недостойных историй, которые сейчас, к сожалению, случаются в балетном мире. В первую очередь имею в виду Волочкову, которая дискредитировала профессию балерины. Ну и, конечно, Диана прекрасная балерина с великолепной школой. Она может танцевать любую хореографию, и я поражаюсь тому, с какой легкостью ей даются переходы из одной пластики в другую. При этом Диана очень красивая. Я бы даже сказала по-татарски - матур татар кызы. У нее же мама татарка Гюзель Афлетунова – чьи предки, как и мои, были раскулаченными купцами из Казани. Я очень горда знакомством с Дианой.

- Гюзель Махмудовна, в заключение хочу вас спросить о будущем ансамбля. Растиражировано одно высказывание Моисеева, сказанное на склоне лет: «Ансамбль после меня не продержится. История такого коллектива, как наш, измеряется жизнью человека, который его создал. По наследству это не передается». Как вы считаете, его пророчество сбывается? Даже нынешний директор коллектива Елена Александровна Щербакова признает, что не видит сейчас балетмейстера, равного Моисееву.

- Безусловно, наш ансамбль – это авторский коллектив, здесь все от начала и до конца создано Игорем Александровичем. Гений его предвидения был таков, что ни один его танец не устареет, не обрастает паутиной. В его постановках такая динамика, такая мощь и посыл, что до сих пор не оставляет ни одного зрителя равнодушным. Это и есть магия танца Игоря Моисеева. Он заложил такой фундамент для развития коллектива, что запаса прочности хватит еще на многие и многие годы.